

Гістарычна-археалагічны зборнік №18, 2004 год

О.Л. Макушников, Ю.М. Лупиненко.

ЛАМЕЛЛЯРНЫЙ ДОСПЕХ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО РАТНИКА НАЧАЛА XIII В. (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК В ГОМЕЛЕ)

Углубленное научное исследование воинских доспехов Древней Руси XI—XIV вв. ведется уже более полувека (Арциховский, 1946; Рабинович, 1947; Довженко, 1950; Медведев, 1959; Кирпичников, 1971 и др.). Долгое время считалось, что пластинчатый доспех был нехарактерным для Древней Руси. Это мнение было опровергнуто в середине XX в. исследованиями А. Ф. Медведева, который показал на археологическом материале широкое распространение такого вида защиты восточноевропейского воина (Медведев, 1959, с. 119—134).

В белорусской историко-археологической литературе по сей день нет достаточно обоснованных реконструкций панцирного доспеха восточнославянского воина XII—XIII вв. и более раннего времени. Это существенно обедняет научные представления об истории материальной культуры и военного дела земель Беларуси в рассматриваемый период. Действительно, не сохранилось ни одного столь раннего панциря, причем не только с белорусских земель, но и с территории Древней Руси в целом. Поэтому исследователи, пытающиеся его воссоздать, вынуждены обращаться преимущественно к неоднозначно трактуемым изобразительным материалам, восточным и западным (иногда весьма сомнительным аналогам XII—XIII вв. и даже позднейшего времени) древнерусского панциря. К числу более или менее удачных попыток воссоздания комплекса тяжелого вооружения ратника белорусских земель XII—XIII вв., предпринятых в последнее десятилетие, относится исследование Г. В. Ласкавого. Опираясь на материалы раскопок городищ на северо-западе Беларуси, он предложил вариант реконструкции доспеха воина Полоцкого княжества (Ласкавый, 1992, с. 50—51).

В ходе раскопок средневековых памятников на землях Беларуси учеными разных поколений сделаны интересные находки предметов защитного вооружения, к которым в первую очередь относятся железные панцирные пластины. Они свидетельствуют, что не позднее второй половины — конца VII в. славянское население

земель Беларуси (одним из первых среди славян Восточной Европы) познакомилось с воинским наборным панцирем. К этому времени, согласно уточненной датировке И. О. Гавритухина, относятся железные панцирные пластины из городища Хотомель (Брестская обл.) (Кухаренко, 1961, табл. 8; Гавритухин. Обломский, 1996, с. 137—139).

Широкое распространение ламеллярного и чешуйчатого панцирей на белорусских землях в XI—XIII вв. юку ментировано репрезентативным археологическим материалом, полученным преимущественно в 1970—1990 гг. Панцирные пластины обнаружены при исследованиях летописных Полоцка, Новогрудка, Минска, Бреста, Слуцка, городищ Прудники, Гольшаны, Кульбачино и др. (Штыхов, 1975, с. 60; Гуревич, 1981, рис. 73; Загоруйский, 1982, с. 220, табл. XI; Лысенко, 1985, с. 225, рис. 148, 149; Ласкавы, 1992, с. 50—51; Калядинск 1993, с. 169; Пивоварчик, 1994, с. 198) (см. рис. 1:1—3). Однако, несмотря на достаточно широкую географию таких находок, они единичны, «некомплектны», а потому не дают исследователям-оружиеведам исчерпывающих оснований для создания научно обоснованных реконструкций тяжелого защитного вооружения воина рассматриваемого периода. В плане разрешения поставленной проблемы интересные возможности открывает исследование древнерусских миниатюр, предметов мелкой художественной пластики и прочих произведений искусства XII—XIV вв., изображающих воинов (в первую очередь, святых-воинов) в панцирной защите. Но привлечение такого рода источников требует их предварительной и достаточно основательной критики.

Реконструкция предметов и средств средневекового вооружения должна, разумеется, базироваться на итогах комплексного изучения разнохарактерных источников соответствующего периода и региона. При этом результат умозрительной реконструкции полезно и необходимо проверить практически — путем исторического моделирования, т. е. создания «действующих» реплик тех или иных комплектов вооружения.

Таблица 1. Панцирные пластины (типов А-В) и: Гомельской мастерской

Пластины и их статистико-метрические параметры	Длина(ММ)	Ширина (мм)	Изгиб (мм)	Кол-во (шт.)
Тип А:	56	18	0,5	1
1) подтип А-1				
2) подтип А-2	68	18	1,0	67
3) подтип А-3	70	15	1,0	10
Тип Б	60	18	1,0-1,5	139
Тип В	78	25	до 2,0	14

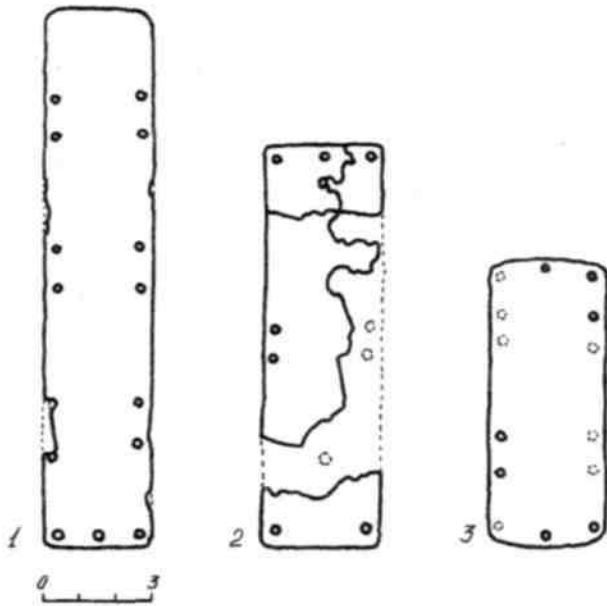

Рис. 1. Образцы железных пластин панцирей ламеллярного набора, найденных на территории Беларуси: 1 — Новогрудок (XIII в.); 2 — Минск (XI в.); 3 — Хотомель (вторая половина — конец V в.). Минская пластина реконструирована Ю. М. Лупиненко по обломкам, опубликованным Э. М. Загорульским.

К сожалению, большинство исследователей-археологов объективно не располагают такой возможностью.

В 1986—1987 гг. при раскопках на территории окольного города средневекового Гомеля отрядом Гомельского областного краеведческого музея под руководством О. А. Макушника открыты остатки сгоревшего в начале XIII в. деревянного дома, в одном из помещений которого располагалась оружейная мастерская. Характер находок (инструментарий, отходы производства, заготовки, полуфабрикаты, готовые изделия) позволил квалифицировать ее как слесарно-сборочную. Она специализировалась на создании и ремонте защитного (ламеллярные и чешуйчатые панцири, кольчуги, наручи, поножи) и наступательного (мечи и сабли) вооружения. Остатки выявленной здесь надписи на деревянном сосуде позволили установить, что здесь работал мастер Федор.

Значительная часть научной информации об открытии мастерской, не имеющей аналогов в археологических памятниках Древней Руси, опубликована. В работах прошлых лет даны описание места расположения мастерской, характеристика ее остатков, обобщенный анализ комплекса вещевых археологических материалов, обоснована хронология памятника и др. (Макушшкау, 1991, с. 48—51; Макушников, 1993, с. 121—130; 2000, с. 73—75).

Задачей предлагаемой публикации является реконструкция ламеллярного панцирного доспеха восточнославянского ратника первой половины XIII в., многочисленные части которого выявлены при исследовании Гомельской оружейной мастерской. Для темы нашего исследования существенна самая массовая находка — железные панцирные пластины (всего их

насчитано около 1500 шт.), залежавшие на полу сгоревшего помещения мастерской россыпью и бессистемными скоплениями. Пластины характеризуются разнообразием форм, размеров, степенью изгиба, количеством и местом расположения отверстий (Макушников, 1993, с. 125). Они могут относиться к нескольким конструктивным вариантам панцирной защиты воина.

Из общей массы типологически определенных экземпляров мы отобрали для темы настоящего исследования только три разновидности панцирных пластин (типы А, Б, В), которые являются серийными в рассматриваемом комплексе и, как нам представляется, могут быть надежным археологическим источником для воссоздания по крайней мере трех вариантов покрова средневекового панциря. Кроме того, в настоящей работе учтены вещевые материалы мастерской, относящиеся к конструкциям защиты рук и ног ратников. Результаты изучения прочих материалов комплекса (в том числе многих разновидностей доспешных пластин) заслуживают отдельной публикации.

Формально-морфологические особенности пластин разных типов в большинстве случаев являются адекватным отражением разных систем панцирной вязки. При выделении типов пластин из Гомельской

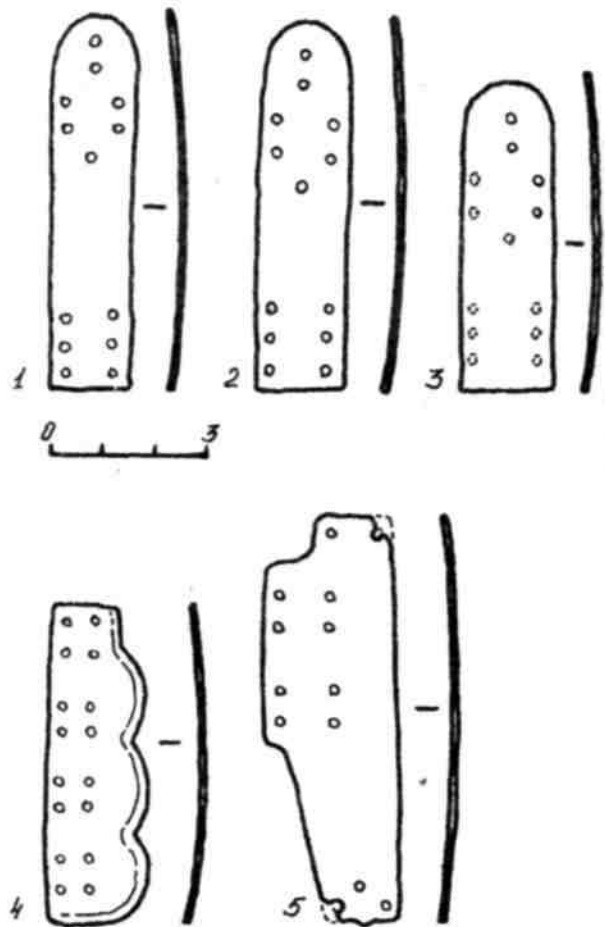

Рис. 2. Образцы пластин панцирей ламеллярного набора из Гомельской мастерской начала XIII в.: 1—3 — тип А; 4 — тип Б; 5 — тип В.

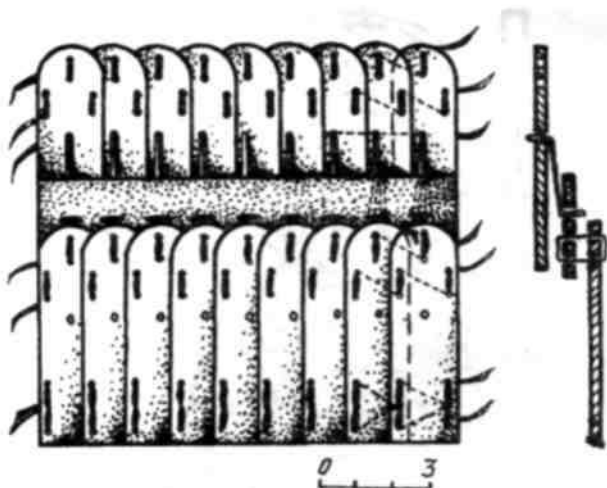

Рис. 3. Схема вязки панцирных пластин типа А (реконструкция).

мастерской учитывались особенности их формы, метрические параметры, количество и месторасположение отверстий для шнуров-стяжек. К типу А отнесены пластины с округленным верхним краем, к типу Б — с волнистым краем, к типу В — со ступенчатыми вырезами (рис. 2: 1 —5). У всех рассмотренных типов количество отверстий равно 13-ти. Данные о параметрах панцирных пластин типов А-В обобщены в табл. 1.

Отобранная для реконструкции панциря часть пластин гомельского комплекса по формально-типологическим признакам, безусловно, относится к ла-меллярной системе вязки доспеха. Сопоставление морфологической характеристики пластин и практического опыта их вязки (полученного путем авторского экспериментального моделирования) показывает следующее. Пластины, посредством продевания шнура через парные отверстия, связывались между собой в ряды. Ряды соединялись друг с другом двумя способами: либо на илгурах-подвесках, либо с помощью прижатого одновременно к двум рядам посредника из ткани или мягкой кожи. Тем самым достигался «эффект свисания», что обеспечивало доспеху чрезвычайную гибкость. Эту важную особенность ламеллярного панциря при изучении его восточных ран-несредневековых образцов отметил М. В. Горелик (Горелик, 1987, с. 186—187), что полностью согласуется с нашими экспериментальными наблюдениями. При вязке пластин не должно было возникать «естественных напряжений», поскольку они уже в условиях боя могли приводить к порыву шнуров-стяжек и шнуров-подвесок. В защитной конструкции ничто не должно было ограничивать движений воина — военное дело не терпит неудобств.

Аналоги пластинам типа А хорошо известны специалистам в области оружейведения. Они имеют многочисленные параллели, в первую очередь, в азиатском регионе. В частности, экземпляры, близкие гомельским по конструкции и метрическим характеристикам, встречены в археологических материалах Южной Сибири и Центральной Азии XI- XII вв. (Худяков, 1980).

Вязка пластин типа А, как показывает экспериментальное моделирование, осуществляется через боковые отверстия. Между собой ряды подвешиваются на шнурах, пропускаемых через одиночные отверстия в центре пластины верхнего ряда и продеваемых в парные центральные отверстия нижнего ряда (рис. 3). Но изобразительные памятники Древней Руси и сопредельных территорий показывают на доспехах какие-то горизонтальные полосы между рядами закругленных пластин. В частности, такая структура выразительно представлена на доспехах святого Нестора, святого Димитрия (рис. 4) и павшего воина на резной каменной плите начала XII в. из Михайловского Златогорского монастыря в Киеве (рис. 5). Аналогичную структуру можно усмотреть и на резной каменной иконке 111 в. с изображением святого Георгия (собрание Государственного Русского музея, Москва). Последний памятник предположительно происходит из Новгородчины (Николаева, 1968, табл. 16, рис. 2) (рис. 6). Следует указать и на миниатюру из моравской рукописи 1212-1220 гг., показывающую участников библейской «битвы израильтян и филистимлян» (Nisotic 1996. p. 12).

Важно отметить, что такие же промежуточные полосы между рядами панцирного набора присущи древнерусским изобразительным памятникам, демонстрирующим панцирный доспех из пластин с прямоугольным верхним краем. В качестве примеров можно привести фрески XII в. со святыми-воинами из Сиасо-Мирожского монастыря в Пскове, изображение воинов на миниатюрах Симоновско-Хлудовской Псалты, XIII в. (Кирпичников, 1971, рис. 18; табл. VII, XVIII—XXII), а также изображение Архангела Михаила на резной каменной иконке XII в. из собрания Государственной третьяковской галереи (Москва). Пос-

Рис. 4 Святой-воин. Изображение на резной каменной плите из Михайловского Златогорского монастыря в Киеве. XII в.

ледный образок происходит с территории Новгородчины (Николаева, 1968, табл. 16: рис. 4) (рис. 7). В плане интерпретации отмеченных выше полос на доспехах рассматриваемого периода, которые мы видим в памятниках древнерусского искусства, можно предположить следующее.

К верхнему краю нижнего ряда пластин ламеллярного панциря пришивается полоса толстой кожи, а к ней крепится шнур-соединитель. Получается «чересполосица» рядов металлических пластин и полос кожи, которую можно наблюдать на всех средневековых изображениях данной разновидности доспешной конструкции. Так, мы видим ее на упомянутых выше плите из Михайловского Златоверхого монастыря и каменной иконке с изображением святого Георгия (Николаева, 1968, табл. 16, рис. 2), а также на указанной ранее миниатюре из Моравии 1212—1220 гг. (Nicolle, 1996, p. 12). Полагаем, что кожаная полоса имела чисто практическую функцию: она исключала трение по шнурам-стяжкам пластин верхнего ряда и защищала шнур-подвеску.

Способ соединения в панцирном наборе пластин с волнистым краем (тип Б) представляется следующим-

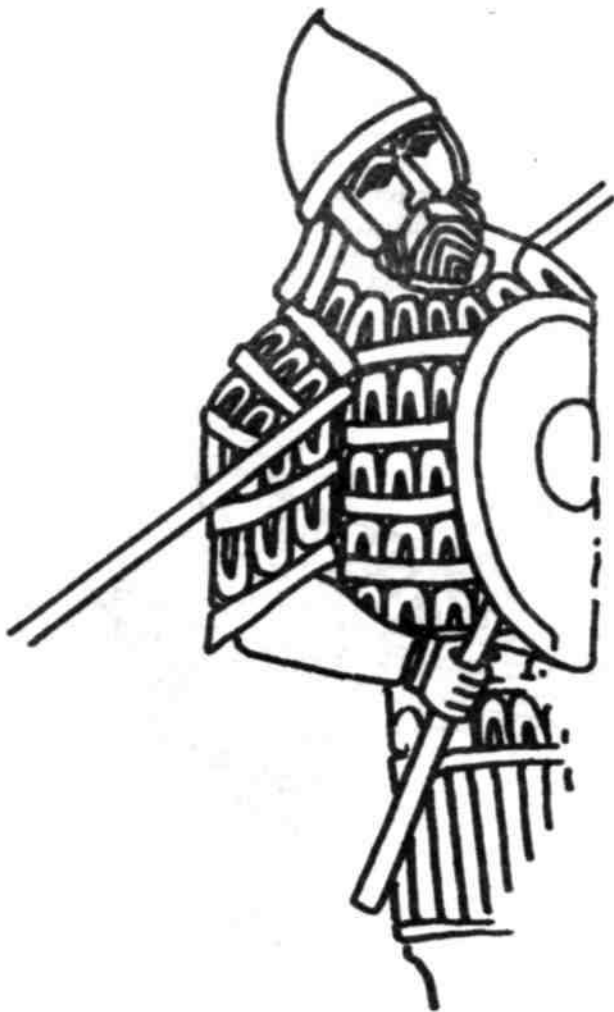

рис. 5. Павший воин. Изображение нарезной каменной плите из Михайловского Златоверхого монастыря в Кизве, XII в.

Рис. 6. Святой Георгий. Изображение на каменной иконке XIII в. из собрания Государственного Русского музея (Москва)

шим. Можно уверенно заключить, что после соединения таких пластин в ряды в самих пластинах не остается свободных отверстий, а все стяжки скрыты с внешней стороны. Следовательно, шнур-подвеска крепится непосредственно за шнуры-стяжки. В данном случае необходимо избежать перетиранья ремешков соседним рядом пластин. Поэтому к верхней части ряда шнура-ми-стг-кками должна крепиться полоса толстой кожи (рис. 8). Такая структура кирасы детально показана на доспехах сражающихся воинов из Пенджикента (конец VII — начало VIII вв.) (Распопова, 1980, рис. 55,57). Она же видна и на панцире Федора Стратилата, изображенного в Федоровском Евангелии 1321—1327 гг. (Кирпичников, 1971, рис. 20), хотя сам покрой доспеха показан весьма архаично. При реконструкции системы панцирной вязки из пластин типа Б следует учитывать, что изображенный на рис. 8 вариант крепления шнура-подвески создает малый (около 10 мм) «свободный ход» рядов. Для верхней, на уровне груди, части кирасы этого достаточно, но для нижней, на уровне живота, следовало цеплять шнур-подвеску не за второй сверху стежок нижнего ряда, а за третий сверху. При наборе из пластин типа а оплечий и подола, требующих исключительной подвижности, следовало делать длинный шнур-подвеску, а верхний ряд пластин — надвигать на ниж-

Рис. 7. Архангел Михаил. Изображение на каменной иконке XII в. из Новгородчины. Собрание Государственной Третьяковской галереи (Москва)

ний. Вообще, «набегание» рядов пластин нижнего на верхний не являлось обязательным условием при создании панциря. На иконографических первоисточниках видно и обратное расположение рядов.

Среди железных пластин типа Б из Гомельской мастерской есть одна бронзовая. Механические свойства бронзы позволяют полагать, что данная пластина имела декоративное назначение. На Руси еще в X в. для придания кольчуге нарядности в ее полотно вплетали ряд-другой медных или бронзовых колец. По всей видимости, таким же образом могли поступать и в начале XIII в. при конструировании ламеллярного доспеха, используя отдельные панцирные пластины из цветного металла.

Пластины со ступенчатыми вырезами (тип В) могли крепиться между собой аналогично пластинам типа А (рис. 9). Подобную структуру вязки демонстрирует доспех Архангела Михаила на упомянутом выше образке из Новгородчины, некоторые доспехи воинов миниатюры Симоновско-Хлудовской Псалтыри (Кирпичников, 1971, табл. XIX, рис. 1).

Кроме деталей пластинчатого панциря, в Гомельской мастерской имеются остатки железных предметов защиты рук и ног воина. В частности, здесь присутствует более десятка обломков наручей трубчатого типа (включая фрагменты незаконченных экземпляров) (рис. 10: 1—2). Они аналогичны по конструкции широко известному древнерусскому наручу, обнаруженному при раскопках городища Сахновка в Среднем Поднепровье. Сахновский наруч происходит из

слоя монголо-татарского погрома 1240 г. и до последнего времени считался уникальным (Кирпичников, 1971, с. 20). На двух обломках наруча из Гомеля имеются остатки пряжки и шарнира. Нижний край гомельского наруча имеет выгнутый кант, который предназначен для более комфортного положения руки воина. Интересно, что он снабжен рядом малых отверстий. Можно утверждать, что они предназначались для крепления на наруче кольчужной перчатки (рис. 11). Аналогичное соединение защитной перчатки и наруча можно видеть на персидских миниатюрах середины — второй половины XIV в. (Горелик, 1983, табл. VII, 3). Такого рода защита руки воина сохранялась в обиходе народов Кавказа еще в XIX в.

Кроме наручей трубчатого типа, в Гомельской мастерской могли изготавливаться и наручи шинные. В числе археологических находок имеются длинные (25—30 см) и узкие (0,8—1,0 см) железные, слабо выгнутые пластины. К сожалению, они зафиксированы только при полевой расчистке археологических остатков мастерской и из-за крайне плохой сохранности уцелели лишь маловыразительные их обломки. Предположительно, эти пластины могли входить в состав защитной конструкции, которая набиралась посредством пришивания пластин к основе через парные отверстия. Подобная защита частей тела воина известна еще в скифских поножах V в. до н. э. (Горелик, 1993, табл. LVII, рис. 42). Близкую аналогию гомельским находкам можно усматривать и в изображении аварского воина VIII в. на кувшине из Венгрии (Нынаков, 1995, табл. XVI, рис. 1). Интересно, что шинную защиту у аварина имеют как руки, так и ноги. Возвращаясь к гомельским пластинам, следует отметить, что малая ширина характеризуемых изделий свидетельствует скорее в пользу их пришивания «внахлест» (рис. 12). Такой способ конструкции наручей и поножей заметно повышал качество защиты рук и ног ратника.

Ламеллярный доспех весьма подвижен, а потому и удобен в использовании. При сгибании частей тела воина ряды пластин «наезжают» друг на друга, создавая двойное и даже тройное защитное покрытие.

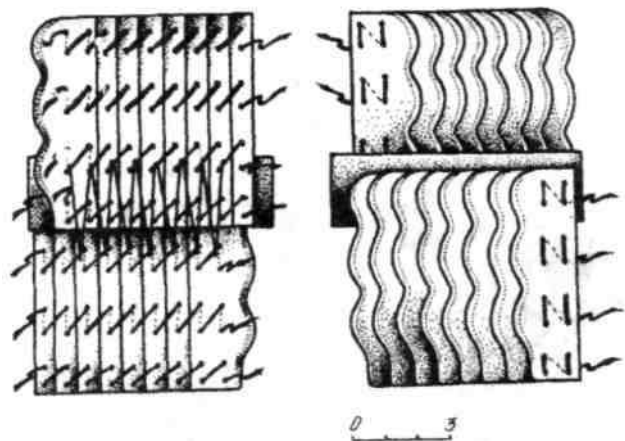

Рис. 8. Схема вязки панцирных пластин типа Б: лицевая и оборотная стороны (реконструкция)

На этот эффект обратил внимание путешественник и дипломат Плато Карпини, исследуя доспехи монголов XIII в. (Горелик, 1987, с. 173). Еще в процессе вязки пластины и ряды ламеллярного доспеха размещались так, чтобы создавался их нахлест не менее, чем на четверть. В этом случае панцирь становился устойчивым не только к рубящим, но и к колющим ударам противника.

Как известно, в условиях средневекового конного боя именно стрелы, дротики и копья являлись основными средствами поражения. В ближнем бою, когда в ход шли мечи, сабли, топоры и булавы, ламеллярный доспех являлся надежной защитой. Удар булавы о такой панцирь (одетый поверх стеганой куртки) «рассеивался», превращался в толчок и не приводил к травме воина. При ударе мечом или саблей повреждение шнуров в панцирном доспехе, собранном из пластин разновидности А, может иметь место. Но учитывая, что шнуры «сидят» в отверстиях очень плотно, разрушения панцирной конструкции не происходит, тем более, что нижние стяжки скрыты нижерасположенным рядом. Для доспехов из пластин типов Б и В рубящие удары вообще не страшны, так как шнуры-стяжки и шнуры-подвески на внешнюю поверхность панциря не выступают. «Набегание» нижних рядов пластин на верхние исключает поражение защищенного доспехом воина при уколе клинковым оружием. Следует оговориться, что чуть ли не единственной уязвимой частью ратника в ламеллярном панцире, остается подмышечная область. Спасти ситуацию может короткая кольчуга, если она одета под кирасу.

В средневековых памятниках Центральной и Северной Европы имеются изображения, хотя и немногочисленные, воинских пластинчатых доспехов покроя типа «корсет-кираса». На упомянутой миниатюре из Моравии 1212—1220 г. хорошо видны лопасти подола и оплечья упавшего воина (рис. 13). На барельефе из Швеции конца XII — начала XIII в. просматривается оплечье (рис. 14), хотя остальной покроей панциря неясен ввиду схематичности изображения (Nicolle, 1996, P-12).

Разумеется, не все древнерусские воины начала XIII в. имели полный доспех и выглядели так «несок-

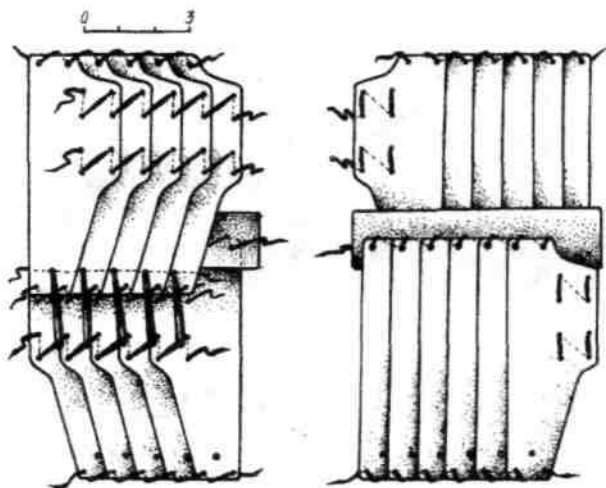

Рис. 9. Схема вязки панцирных пластин типа В. лицевая и оборотная стороны (реконструкция)

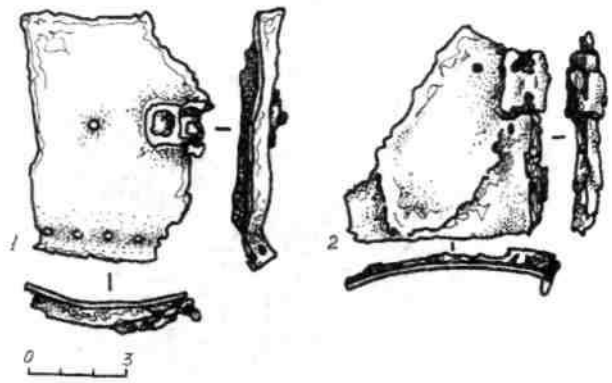

Рис. 10. Обломки железных трубчатых наручей из Гомельской мастерской (1—2)

рушимо», как, например, святой Георгий на хорошо известном образке XIII в. Все во многом зависело от социального и имущественного положения владельца доспеха. Следует полагать, что менее состоятельные воины ограничивались кирасой, более состоятельные — имели в дополнение к ней оплечья и подол (а также кольчугу под панцирем, предохранявшую от «подмышечного» укола). Если учитывать высокий уровень развития ремесленного производства Руси XII—XIII вв., то можно утверждать, что княжеские дружинники располагали полным комплектом доспехов. Мастерская в Гомеле — тому яркое подтверждение. И еще одно замечание. Мы полагаем, что именно ламеллярная конструкция доспеха названа в древнерусской летописи «бронью дощатой», т. е. отдельные пластины панциря именовались «досками».

Как отмечаю, изучение воинских доспехов Древней Руси XI—XIV вв. уже имеет собственную историю. Несмотря на это, попыток научно обоснованной реконструкции панциря рассматриваемого периода крайне мало, а результаты тех, которые состоялись, дачею не всегда выдерживают критику.

При реконструкции средневековых доспехов необходимо учитывать специфику восточнославянского изобразительного искусства, которое в значительной мере следовало греко-византийским канонам и в значительной степени продолжало византийскую традицию. Это особенно относится к изображениям воинов: одеты и в доспехи чаще всего оказывались христианские святые, а образцами (вероятно, считавшимися каноническими) для подражания обычно служили более ранние памятники византийского и даже греко-римского происхождения.

Древнерусские иконографические источники вполне справедливо и неизменно являются отправными точками для большинства исследователей, которые ставят своей задачей реконструкцию древнерусского панциря. Однако иногда забывается или игнорируется то обстоятельство, что доспехи, в которых православная икона являет святых воинов, почти одинаково изображает их и в XII, и в XV—XVII вв. и даже сейчас. В чем же суть проблемы? Мы полагаем, что в древнерусском письме святых воинов нередко показывали в парадных позднеримских доспехах, история которых к XII—XIII

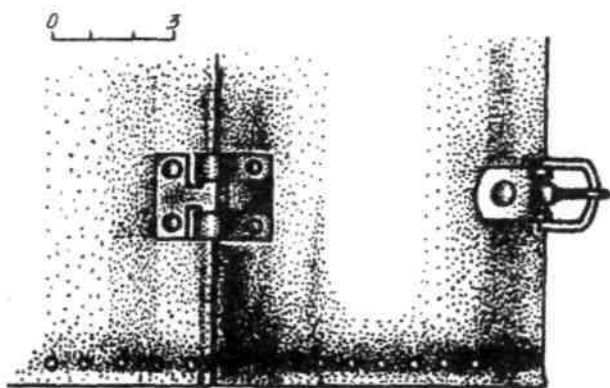

Рис. 11. Реконструкция нижней части трубчатого наруча из Гомельской мастерской начала XIII в.

вв. уже давно завершилась.

Именно такие, как в православном письме панцири, с мельчайшей передачей деталей демонстрируют изображения римских офицеров на колонне императора Траяна 113 г. н. э. в Риме (Кардини, 1987, рис. 21—22). На офицерах — короткие доспехи, повторяющие структуру мышц (т. н. «анатомический доспех»). Под доспехи одеты короткие туники, по видимому, кожаные с птеригами (полосками кожи или ткани, защищающими плечи и бедра), свисающими с пояса и плеч. В начале нашей эры это был типичный, традиционный эллинистический доспех, надевавшийся поверх форменной туники. Римские офицеры на уровне нижней части груди были опоясаны перевязями, закрепленными спереди, с концами, заправленными под перевязь. У античных греков такое одеяние выступало символом высокого положения облаченного. Римляне в свое время полностью переняли греческую форму для своих старших офицеров (Конноли, 2000). Такой же ранний греко-римский доспех с подробностью деталей показан на древнерусских изображениях святого Дмитрия Солунского (мозаика начала XII в. Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, а также икона «Святой Дмитрий Солунский» XII — начала XIII в.) (История, рис. 10, 39). На этих средневековых изображениях видны уже давно ушедшие в прошлое, несколько стилизованные «анатомические» кирасы, птериги, перевязи.

Со временем, авторы древнерусских изображений доспеха стали изменять структуру кирасы, показывая ее чешуйчатой или ламеллярной, а в пластины — «превращать» складки дублета на плечах и подоле воина. Естественно, и в таком виде доспех не отображал реалии средневековья. В этом и заключается суть ошибки тех ученых, которые пытаются реконструировать древнерусский доспех только на основании восточнославянского изобразительного материала, не подвергая его предварительной критике.

А теперь обратимся к источникам восточного происхождения, ибо именно из стран Азии в свое время проникли на Русь ламеллярные доспехи. Скорее всего, аварские корни имеют панцирные пластины второй половины — конца VII в. из Хотомельского го-

родища на западе Белорусского Полесья. Видимо, восточными по происхождению являются и детали панцирных наборов X в. из Плиснеска и Алчедара (Медведев, 1959, с. 119 и сл.). Хорошо известно, что в регионах Поднепровья и Поднестровья славяне имели во второй половине I тыс. н. э. непосредственные военно-политические и этнокультурные контакты с аварами, хазарами и мадьярами. В Центральной, Восточной и Средней Азии ламеллярные доспехи были излюбленным видом защитного снаряжения воина не только в эпоху развитого, но и раннего средневековья (Худяков, 1991).

Великолепные изображения панцирей ламеллярной конструкции, поражающие подробностью передачи деталей, дают нам росписи Пенджикента конца VII — начала VIII вв. (Распопова, 1980, рис. 55, 57), а также персидские миниатюры XIV в. (рис. 15) (Горелик, 1987, рис. 5, изобр. 12). М. В. Горелик углубленно вучил ламеллярные доспехи Евразийского региона и выделил два вида их покроя («корсет-кираса» и «халат»). Они были особенно популярны в Восточной и Центральной Азии с эпохи раннего средневековья (Горелик, 1987, с. 165). Показательно, что такие доспехи имели широкое распространение и в Византии. Покрой панциря типа «корсет-кираса» (или очень близкий к нему) угадывается в описании боевого снаряжения византийского катафрактария X—XI вв. Воин имел панцирь-клибанион с нарукавными покрытиями до локтей — маникиями. Нижняя часть панциря — кремасмата — прикрывала живот и бедра. Следует отметить наличие у катафрактария наручей-паникелей, защищавших руки от локтя до кисти, а также поножей-халкотубов, закрывавших голени (Никифор, 1908). В Византии были известны и металлические воинские перчатки. Так, упоминание о защитных перчатках лег-

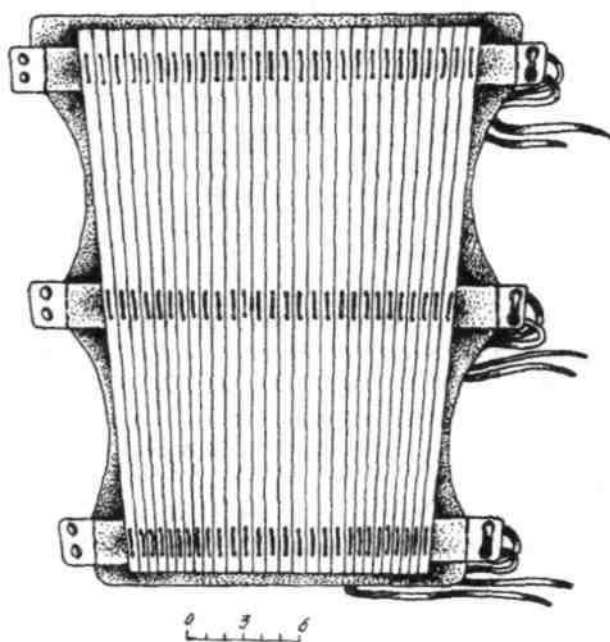

Рис. 12. Схема-развертка поножа шинного типа из Гомельской мастерской (реконструкция).

Рис. 13. Воин в ламеллярном доспехе. Миниатюра моравской рукописи. 1212- 1220 гг.

ких всадников имеется в трактате Льва VI «Тактика» (Денисон, 1897).

Славянские племена познакомились с византийским военным опытом еще во время балканских походов VI—VII вв. Древняя Русь поддерживала самые тесные культурные, экономические и политические контакты с Византийской империей в X—XIII вв. Поэтому мы вправе предполагать заимствование русичами некоторых военных достижений византийцев, в том числе в области конструирования воинских доспехов.

Раннесредневековый панцирь типа «корсет-кираса» состоял из передней и задней частей, соединенных на плечах воина лямками, а с боков — пряжками либо завязками. Подол такого доспеха имел две части, составлял единое целое с кирасой либо пристегивался к ней самостоятельно. Доспех типа «халат» также держался на теле воина, благодаря размещенным на его плечах лямкам. Такой панцирь застегивался спереди, а разрез имел сзади до пояса. Оба типа доспеха предполагали оплечья в виде лопастей, защищающих плечи и руки воина от шеи до локтей. Оплечья крепились или к лямкам, или при помощи перекрещивающихся ремней.

Вернемся к каноническим (т. е. продиктованной культурно-религиозной традицией) изображениям доспеха в искусстве Древней Руси. Сформировав представления о целесообразном покрое ламеллярного панциря, можно выделить среди этих изображений те, которые будут полезны для темы нашего исследования.

На резной каменной плите из Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве у конных воинов отчетливо видны выходящие из-под кирас лопасти коротких подолов, а на панцире поверженного воина показаны лопасти оплечья. Следует заметить, что именно в подмышечную часть тела этот ратник получает удар копьём, запечатленный данным памятником.

Весьма интересные изображения ратников имеются на произведениях мелкой каменной пластики. Так, на образке X в. из Новгорода Великого архангел Михаил предстает в доспехе, состоящем из кирасы, подола и оплечья. Не менее любопытное изображение святого-ратника имеется на образке из собрания Государственного Русского музея, датированном серединой XIII в. Здесь Георгий Победоносец также одет в кирасу, подол его панциря опускается до самых ступней ног, а оплечья — до кистей рук (рис. 6). Сходящиеся у шеи воина оплечья находят полные аналоги в персидской живописи XIV в. (рис. 15). Отмеченные выше памятники изобразительного искусства подтверждают активное, начиная с XI в., использование на Руси доспехов типа «корсет-кираса».

На основании археологических находок из Гомельской оружейной мастерской начала XIII в. путем экспериментального натурального моделирования воссоздано несколько «действующих» ламеллярных панцирей древнерусского периода.

После изучения разноплановых источников мы пришли к построению нескольких вариантов доспеха. Один из них, включавший корсет-кирасу, подол, оплечья, приведен на рис. 16. Кираса такого панциря набрана из пластин типа Б, снабжена лямками и боковыми ремнями с пряжками. При застегивании передняя часть кирасы перекрывает заднюю на боках. По-

Рис. 14. Воин в ламеллярном доспехе. Барельеф из Швеци . конец XII — начало XIII в.

Рис. 15. Персидский воин в ламеллярном доспехе. Персидская миниатюра, 1330–1340-е гг.

дол в данном варианте реконструкции набран из пластин типа В. Лопасты подола цепляются петлями за ремень, который в свою очередь подвешен на лямках-«разгрузках». Оплечья набраны из пластин типа А, на рисунке видна изнаночная сторона. Оплечья крепятся к лямкам кирасы петлями и за плечи воина привязываются фиксирующими ремнями.

Ряд иных вариантов ламеллярного доспеха также был смоделирован и неоднократно опробован в условиях рыцарского поединка (опыт гомельского военно-исторического клуба «Стяг Олега Святославича», мастер-изготовитель и испытатель Ю. М. Лупиненко). Следует отметить, что реплики панцирей выдержали гроверку как в плане гибкости, подвижности, так и с точки зрения надежности защиты тела воина от ударов тупого массивного (булавы, кистени), а также колюще-рубящего (мечи, сабли), и колющего (копья) оружия. На рис. 17–18 предложено еще несколько вариантов доспехов воинов Черниговского княжества. Мы постарались показать здесь предполагаемый комплект доспехов и боевой оснастки воинов разного достатка и социального ранга.

На рис. 17 изображен боярин. Он облачен в кольчугу и полный ламеллярный доспех, трубчатые наручи и поножи шинного типа. Поверх поножей одеты сапоги. На голове — шлем с наносником и бармицей.

Боярин вооружен мечом романского типа и луком. Рядом с боярином — изображение младшего дружинника (гридня), его оруженосца. Он одет в кольчугу и ламеллярную кирасу, шинные наручи и шлем степного (кочевнического) типа с бармицей. Он вооружен саблей и кистенем. Из-под кольчуги видна набитая пенькой стеганная одежда. Оруженосец держит щит и копье боярина.

На рис. 18 также изображены тяжеловооруженные воины. Мы представляем знатного черного клобука (из числа федератов черниговского князя). Он одет в полный ламеллярный доспех и кольчугу, наручи, поножи шинного типа. На его голове стеганный и набитый пенькой подшлемник, а в руке черноклобуцкий шлем с личиной. Рисунок показывает вооружение степного типа: саблю, лук и стрелы. Живя в городах, находясь на службе у восточнославянских князей, оседлые тюрки могли пользоваться и шпорами. Рядом с черным клобуком — дружинник-русич, одетый в длинную, западноевропейского покроя, кольчугу, кольчужные чулки и перчатки, ламеллярную кирасу, закрытый шлем «киевского I типа» с бармицей. Из-под кольчуги видна стеганная одежда. При русиче — меч романского типа, кинжал в окованных ножнах, булава с граненым навершием на плече — деревянный щит, а в руке — копьё. Такой «западно-восточный оружейный гибрид» вполне

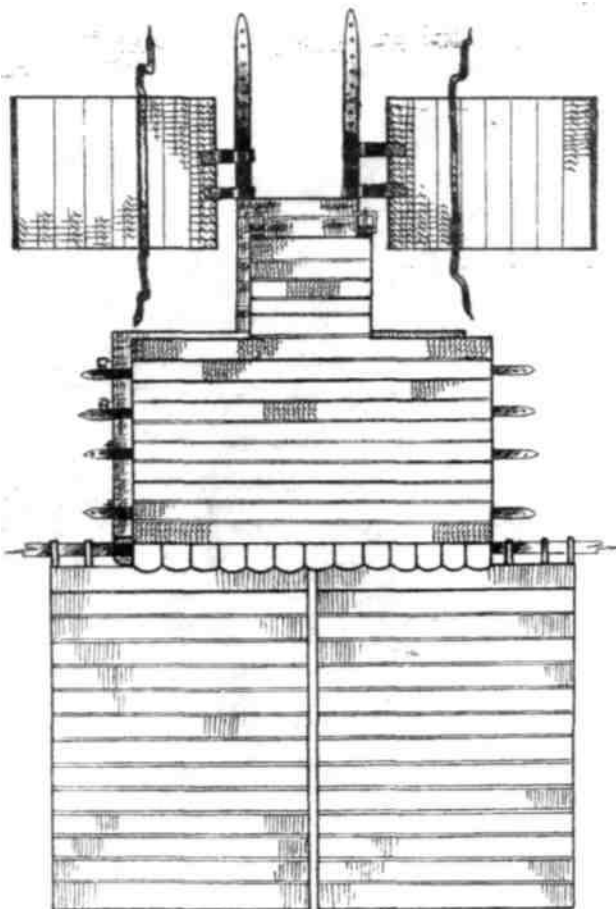

Рис. 16. Ламеллярный панцирь тяжеловооруженного восточнославянского ратника начала XIII в. (реконструкция по материалам Гомельской мастерской)

Рис. 17. Воины Черниговского княжества первой половины XIII в.; справа — боярин, слева — воин-оруженосец (ре-конструкция)

Рис. 18. Воины Черниговского княжества первой половины XIII в.: справа — черный кюбук, слева — дружинник-русич (реконструкция)

Таблица 2. Примерное количество пластин в ламел «ярных доспехах и масса доспехов (по археологическим материалам Гомельской мастерской и данным экспериментального моделирования)

Варианты панциря и его составные части	Кираса	Подол	Оплечье	Всего
Вариант 1 из пластин типа А (шт.)	460	440	280	1180
Вариант 2 из пластин типа Б (шт.)	580	520	350	1450
Вариант 3 из пластин типа В (шт.)	390	380	260	1030
Средняя масса (кг)	7,0	6,5	3,5	17,0

мог иметь место, учитывая неоднократное участие черниговских князей в войнах не только со степными кочевниками, но и с венграми, чехами и поляками.

В процессе моделирования нами получены приблизительные усредненные характеристики ламеллярных доспехов (по их весовым параметрам, количеству используемых в наборе пластин). Конечно, приведенные в табл. 2 данные имеют предварительный характер, поскольку характеристика конкретного доспеха зависит от его размера и назначения. Мы приняли во внимание то обстоятельство, что в «полный» состав доспеха должны входить кираса, оплечья до локтя и подол до колен.

Таким образом, уникальные материалы Гомельской оружейной мастерской с привлечением археологических, изобразительных, письменных источников евразийского происхождения позволяют нам предложить научно обоснованную реконструкцию ламеллярного доспеха восточнославянского ратника начала XIII в. Впервые в практике белорусской науки оружейно-технические реалии рассматриваемого периода обосновываются практическими результатами исторического экспериментального моделирования.

Летописная «броня дощатая» — пластинчатый панцирь ламеллярного покрова — состояла (в «полном» наборе) из кирасы, подола, оплечья. В комплект защитного покрытия тела воина входили также наручи трубчатого и шинного типов, возможно, поножи шинного типа, кольчатые перчатки. Примечательно, что все без исключения части защитного вооружения собиравались на месте.

Древнейший прообраз гомельского ламеллярного доспеха начала XIII в., безусловно, следует искать на средневековом Востоке и на территории Византийской империи. Вместе с тем нет никаких сомнений и в том, что в Гомеле не занимались простым копированием современных зарубежных образцов защитного вооружения. Мастер Федор следовал международной оружейной моде-традиции, которая в начале XIII в. охватила огромные евразийские просторы в целом и земли Древней Руси в частности. Но свой вклад в ее становление внесли и восточнославянские оружейники, которые в силу геополитического положения земель Древней Руси были обязаны разрабатывать образцы защитного и наступательного вооружения, одинаково эффективно противостоящие стремительному натиску кочевнического Востока и неумолимому давлению «закованного в железо» Запада. Гомельский археологический материал показывает, что мастер Федор был одним из новаторов оружейного дела. Достаточно отметить, что применение трубчатых наручей в

рыцарском вооружении Западной Европы отмечается с начала XIV в. В Гомельской мастерской начало производства наручей явно предшествуют «первой волне» монголо-татарского вторжения на земли Руси (конец 1230 — начало 1240 гг.).

ЛИТЕРАТУРА

- Арциховский А. В., 1946. Русское оружие X—XIII вв. // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ Вып. 4. М.
- Гаврилухин И. О., Обломский А. М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М.
- Горелик М. В., 1983. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV — начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.
- Горелик М. В., 1987. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV вв.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск.
- Горелик М. В., 1993. Оружие Древнего Востока. М.
- Гуреев Ф. Д., 1981. Древний Новогрудок (посад — околный город). Л.
- Деисон. 1897 История конницы. СПб.
- Довженко В. И., 1950. Військова справа в Кієвській Русі. К.
- Загорюльских Э. М., 1982. Возникновение Минска. Мн. История русского искусства. Т. 1. М., 1978
- Калодзінскі Л. У., 1993. Умацаванні і узбраенне дзятэшка летш псага Слуца ка (XII—XIII стст.) // Старычына — археалгчык зборшк. Ч. 1. Мн.
- Кардини Ф., 1987. Истоки средневекового рыцарства. М.
- Киртичников А. Н., 1971. Древнерусское оружие. Вып. 3. Доспех. комплекс боевых средств IX—XIII вв. // СЛИ. Вып. I-1-36. Л.
- Конниш П., 2000. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. М.
- Кухаренко Ю. В., 1961. Средневековые памятники Полесья // САИ. Вып. Е 1-57. М.
- Ласкавы Г. В., 1992. Узбраенне вожа XII—XIII стст. феадальных сязі «замка» паўночнага захалу Полацкай зямл! (на матэрыялах раскопак гарадзішчау Прудит і Маскавічы) // СтароНКі гісторыі Беларуса. Мн.
- Лысенко П. Ф., 1985. Берестье. Мн.
- Макушица А., 1991. Зброя нашчадкаў ралзімчау // Спалчына. №2
- Макушиников О. А., 1993. Древнерусская оружейная мастерская из Гомия/Старожитносп I—Пвдсноі Русі. Чержтв
- Макушиников О. А., 2000. Памятники эпиграфики и сфраги _ гики из летописного Гомия // ГАЗ. № 15.
- Медведев А. Ф., 1959. К истории пластинчатого доспеха на Р. си // СА. № 2
- Никифор. 1908. Стратегика императора Никифора // Записки Императорской Академии наук. Г. 8. СПб.
- Николаева Т. В., 1968. Древнерусская мелкая пластика из камня. М.

Пивоварчик С. А., 1994. Вооружение и снаряжение всадника из раскопок понеманских городищ (X—XIII вв.) // ГАЗ. Н« 3.

Рабинович М. Г., 1947. Из истории русского оружия IX—XV вв. // Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 1. М.

Распопова В. И., 1980. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.

Худяков Ю. С., 1980. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск.

Худяков Ю. С., 1991. Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.

Щибаков Е. А., 1995. На пути к державе Рюриковичей. Брянск — Санкт-Петербург.

Штыхов Г. В., 1975. Древний Полоцк IX—XIII вв. Мн.

Nicolle D., 1996. Lake peirus 1242. Battle of the ice // Osprey military. Campaign series. № 46. London.

Oleg Makyshnikov, Juryj Lypinenko

LAMELLAR ARMOR OF AN EASTERN SLAVONIC WARRIOR IN THE BEGINNING OF XII CENTURY (on the material of excavations in Gomel)

Summary There is no reconstruction of heavy protective armament of an eastern Slavonic warrior of the XII—XIII centuries, which was surely based on archaeological, figurative or other sources in the national literature. This circumstance impoverishes and minimizes the conception of nature and development level of the military science on the Belarusian medieval land. The present publication offers a practical experience on recreation the lamellar warrior's armor of the first half of the XIII century, which was acquired on the basis of historical and archaeological

sources and full-scale modeling for the first time. Unique archaeological materials for ancient Russia and Eastern Europe as a whole are assumed as a basis of the reconstruction, they were discovered during the archaeological dig of A.A. Makyshnikay of arms workshop on the roundabout town of an annalistic Gomel (the investigations of the 1987). The workshop specialized in the creation and repair of protective (coat of mail, chain armor, plate and tire bracers and boots) and battle (swords and sabers) armament. The fragments of a legend on a wooden vessel are evidence of the existence of an armourer Fedor who used to work there. About 1500 plates intended for assembling several models of coats of mail of lamellar and scaly construction were found in the workshop. We have selected three types (A,B,C) out of all range of definable exemplars, which are serial and may serve as a reliable archaeological source for the recreation of several kinds of lamellar coats of mail.

Figurative materials of the Middle Ages not only of the Old Russian but also of the Central Europe, North Europe and eastern origin are involved in the process of reconstruction. The attention is drawn to necessity of prior criticism of eastern Slavonic figurative material of the XI—XII centuries, in which saint warriors are often represented in gala Greek-Roman armor that had become a thing of the past. By means of experimental full-scale modeling, several "functioning" lamellar coats of mail were recreated, they were tested in terms of knights duel (the master and investigator Ju.M.Lypinenko). The replica of the armor stood the test on flexibility, mobility as well as on protecting the warrior's body from injuries of massive, obtuse, chapping and thrust weapon. In the process of modeling averaged weight and quantitative characteristics of several patterns of lamellar armor were received.